

Тимур Атнашев

Русская нация после российской империи?

МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ ЛИБЕРАЛЬНОГО
ХРОНОТОПА В XXI ВЕКЕ

Timur Atnashev

The Russian Nation after the Russian Empire?
A Model for the Setup of the Liberal Chronotope in the 21st Century

Тимур Атнашев (PhD, специалист по интеллектуальной истории и политической мысли) timur.atnashev@gmail.com.

Timur Atnashev (PhD, Specialist in Intellectual History and Political Thought) timur.atnashev@gmail.com.

Ключевые слова: русский национализм, нация, империя, хронотоп, двухуровневая идентичность, Солженицын, Крылов, Ремизов

Key words: Russian nationalism, nation, empire, chronotope, two-level identity, Solzhenitsyn, Krylov, Remizov

УДК: 172.15+321+323.1+347.193.4
DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_172

UDC: 172.15+321+323.1+347.193.4
DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_172

В статье рассмотрены три версии авторской сборки русскими мыслителями-националистами своеобразного постимперского пазла символического *хронотопа*, включающего и исключаящего территории, людей и объединяющие их характеристики в настоящем и в прошлом. Для современных постимперских воображаемых сообществ в фазе отступления и утраты влияния на часть своих бывших территорий возникает задача переосмысления того, что было «нашим», как «ненашего» или, наоборот, попытка сделать уже «ненаше» снова «нашим». В сохранившемся целом ищут маркеры и принципы нового единства. При этом осознанный конструктивизм мыслителей и идеологов, предлагающих свою сборку, сочетается с примордиальными базовыми элементами и пластичностью идентичностей, вместе образующих пазл. Анализ мыслительных ходов А. Солженицына, К. Крылова и М. Ремизова позволяет обнажить саму *логику сборки* символического хронотопа, предвзвешенно оценить востребованность национальной модели в обществе и поставить вопрос о «примордиальных» основаниях либеральной альтернативы — в частности, сложившейся *двухуровневой* идентификации. Современный русский национализм выглядит как трансфер старых европейских образцов, которые, возможно, меньше подходят для русского пазла, чем либеральный универсализм.

This article analyzes three versions of original assemblage by Russian nationalist thinkers of the unique post-imperial puzzle of a symbolic chronotope, including and excluding certain territories people, and the characteristics that unite them in the past and present. For modern post-imperial imagined communities in the phase of retreat, the task of rethinking what was “ours” as “not ours” emerges or, on the contrary, an attempt to make what was already “not ours” once again “ours.” They are looking for markers and principles of a new unity in the preserved whole. At the same time, the deliberative constructivism of thinkers and ideologues offering their setups is combined with primordial basic elements and a degree of plasticity to identity. An analysis of the intellectual moves of Solzhenitsyn, Krylov, and Remizov allows us to expose the very *logic of the setup* of the symbolic chronotope, preliminarily assess the relevance of the national model in society, and pose the question of the “primordial” foundations of liberal alternatives—the existing two-level identification in particular. Contemporary Russian nationalism surprisingly looks more like transfer of old European models, which does not really fit the current Russian puzzle.

После распада СССР в России тридцать лет шел процесс формирования идентичности нового политического сообщества в границах РСФСР на 1991 год. Многие ученые и эксперты осмысливают эту историческую динамику в коорди-

натах движения между двумя полюсами — империи и государства-нации, в свою очередь открывающую развилку между гражданской французской и этнокультурной немецкой моделями¹. Означает ли преодоление или отказ от имперского наследия естественный и желательный переход к национальному государству и гражданской нации²? Если да, то во многих случаях переход к национальному государству оказывался не менее, а более кровавым и болезненным, чем имперская фаза — достаточно вспомнить опыт Германии, Турции или Сербии в XX веке [Brubaker 1996]. Насколько такой, к сожалению, вполне типичный выход из логики континентальной империи через реконквисту и чистки к достаточно гомогенной этнокультурной нации предопределен и не является ли французская культурно гомогенная гражданская нация скорее историческим исключением, чем правилом [Weber 1976]? Желателен ли отказ от империи и соответствующих символических моделей, если он ведет к фазе агрессивного национализма внутри и вовне?

В фокусе внимания статьи находится постимперская идеология современных русских националистов, которые в течение трех десятилетий стремились представить русских «нормальной» европейской нацией и осмыслить Россию как страну русских, отказавшуюся от извращенной советской имперской модели, но снова готовую к реконквисте русских земель. Анализ трех авторских хронотопов русской нации показывает трудность, если не невозможность, выхода из имперской логики и сложную диалектику национального и имперского. С другой стороны, каждая сборка уникальна тем, что в символическом социальном пространстве и времени принимается ею за «наше», а что исключается как «ненаше». Собираемое в общественном воображении «коллективное тело» устойчиво *не получает* гегемонической национальной или имперской артикуляции. Возможна ли ненационалистическая и постимперская модель коллективной идентификации в России? В качестве интеллектуальной провокации я предлагаю увидеть в конструктивных ходах и особенно в сетованиях русских националистов контуры именно такой *альтернативы*.

Официальная риторика включения новых территорий точно апеллировала как к русской нации, так и к русскому языку, но также и к советскому, и

1 См., например: [Зевелев 2009; Rowley 2000].

2 Ведущий специалист по этнополитическим процессам в России Э. Паин так формулирует свою общую установку: «Мы выбираем некий промежуточный подход по широте охвата предмета национальной (этнонациональной) политики, считая основной целью такой политики формирование гражданской нации в Российской Федерации, а также связанную с этим необходимость разработки и реализации государственных программ гражданской интеграции этнических общностей в рамках демократического, правового, федеративного государства. В таком понимании национальная политика России, на наш взгляд, еще не сложилась — по крайней мере, в реальной практике... поэтому чрезвычайно актуальны исследования возможных направлений формирования гражданской нации в России» [Паин 2023: 9]. Ср. формулировку политического философа и публициста В. Пастухова*, который также имеет в виду задачу построения гражданской нации: «Я предложил бы рассматривать идущие в России с 1985 года идеологические процессы в описанном выше контексте... она совершает переход от преидеологии к идеологии. А это все значит, что Россия вплотную подошла к задаче формирования нации, которая должна заменить наконец империю как единственную до сих пор знакомую России форму государственности. От того, как Россия справится с этой задачей, зависит ее будущее» [Пастухов* 2023: 45].

* Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

к российскому имперскому наследию [Малахов, Осипов 2021: 31]. Иначе говоря, расширение территорий не было продиктовано ни явным выбором между имперской или национальной моделями, ни предпочтением в пользу этнокультурной или гражданской моделей нации. В данной статье я предлагаю посмотреть на проблематику символической «сборки» сообщества под другим углом. Мы можем не просто рассмотреть различия между империей и нацией или разные варианты нациестроительства, отметив очень высокую *гетерогенность* конкурирующих представлений, но и поставить вопрос о *совпадении* воображаемых и фактических границ данного политического сообщества.

Для операционализации этой перспективы я предлагаю использовать понятие хронотопа, символически включающего в себя всех граждан, территории и значимые события в настоящем и прошлом сообщества. При этом важно наличие достаточно сильной эмоциональной и субъективной *идентификации* граждан с этим целым. Нормативной перспективой и задачей тогда становится создание эмоциональной связи граждан с политическим сообществом при совпадении границ воображаемого хронотопа и признанных границ государства.

В первой части статьи я обрисую историографический контекст и теоретические контуры понятия хронотопа политического сообщества, а также методологические основания для его реконструкции. Во второй части я постараюсь показать, как в этих терминах можно осмыслять конкретные ходы трех ярких и влиятельных отечественных мыслителей конца XX — начала XXI века, которых можно однозначно отнести к русскому националистическому течению — Александра Солженицына, Константина Крылова и Михаила Ремизова. В последней части статьи я выйду за рамки анализа в жанре интеллектуальной истории в поле социального и философского конструирования. И предложу эскизные варианты постимперской интеграции национального сообщества граждан нашей страны, отталкиваясь от сильных и слабых сторон националистической сборки хронотопа. Альтернативная сборка не предполагает ни насильственного исключения, ни включения людей и земель в настоящем и в прошлом, но утверждает единый хронотоп воображаемого сообщества, опираясь на *уже сложившуюся* групповую идентичность значительного большинства русских и россиян. На ту, данную в ощущениях идентичность большинства граждан, которая вызывает жалобы влиятельных русских националистов, считающих себя одновременно и консерваторами, и конструктивистами. Либеральная сборка неожиданно может оказаться более консервативной, чем гораздо более конструктивистский националистический проект.

Контурсы политического хронотопа и методология его реконструкции

В данном случае мы используем понятие политического хронотопа в специальном смысле, отличном от исходного смысла словосочетания «художественный хронотоп», предложенного М. Бахтиным и, в свою очередь, заимствованного им из языка современной физики³. Хронотоп политического сообщества

3 Ср.: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [Бахтин 1975: 121].

символически включает и объединяет людей, населяющих сопредельные регионы (пространственное измерение), большие исторические этапы жизни предков на этих территориях (временное измерение), а также предполагает символические маркеры, которые могут служить основой такой интеграции. Благодаря Б. Андерсону, термин «воображаемые сообщества» исторически закрепился именно за символическими конструкциями *национальных* государств или государств-наций Нового времени, возникших на основе более или менее гетерогенных нарративов локальных и более крупных этнокультурных групп, что стало возможным после изобретения книгопечатания, расширения рынков, введения всеобщего школьного образования и общего усиления центральных аппаратов государств⁴ [Баньковская, Кильдюшов 2019].

Однако в разное время воображаемые сообщества осмыслились и до сих пор переосмысляются не только как нация, но и как республиканская общность, союз земель или штатов, конфедерация, народ, империя, мир миров, нация наций или цивилизация. Понятие политического хронотопа, понятого как своеобразный пазл для сборки, призвано зафиксировать и помочь более точно анализировать разнообразие риторических стратегий построения воображаемых политических сообществ в границах или вне границ государственных образований в современном историческом контексте⁵.

Выбор понятия «хронотоп» также позволяет оставить *открытым* вопрос о долгосрочном историческом смысле или о направлении происходящих в постсоветской России и на ее рубежах этнополитических процессов и проектов. Возможно, мы действительно имеем дело с достаточно распространенной в истории XIX—XX веков логикой насильственных *чисток* [Walling 2000] рождающегося в муках национального сообщества после фазы имперской экспансии и мозаичного расселения и относительно мирного сожительства разных этнокультурных групп — во имя «гомогенного» государства-нации [Ther 2014], которое опирается на принцип демократического представительства народа [Mann 2005]. Представление об исторической слабости российского национализма в силу его подавленности империей имеет под собой основания. Из этого можно сделать вывод о том, что переход от мультиэтнической имперской идентичности к национальной, возможно, приведет к аналогичным кровавым событиям.

Трагическими прецедентами здесь оказываются распад Австро-Венгрии, Германской империи или Порту, на территории которых возникли современные национальные государства, прошедшие через войны за «свои исторические территории» и массовые чистки (Турция, Германия, Сербия, Хорватия,

4 Полемизируя с теми, кто считает нации исторически отжившим явлением, Б. Андерсон утверждает их глубокую укорененность в социальных структурах современности и предлагает сдержанную апологию «национализма» как источника *любви* сообщества к самому себе. Он также подчеркивает важность национальной идентичности и современных идеологий как светской замены потерявшим влияние религиозным доктринам и монархической традиции. Недавний обзор вклада Андерсона в социологию национализма см.: [Баньковская, Кильдюшов 2019].

5 Опираясь на методологию интеллектуальной истории, я хочу показать сложность конкурентного и часто *оспариваемого* конструирования как территориальных границ, так и общего прошлого сообщества. Ср. определение нации ведущего специалиста по национализму, Э. Смита: «...население, имеющее общую историческую территорию, общие мифы и историческую память, массовую культуру, общую экономику и общие юридические права и обязанности для своих членов» [Smith 1995: 57].

Румыния, Армения, Азербайджан и др.) [Зевелев 2009]. Более того, национальная политика России, Украины и Казахстана второй половины 2010-х и специальная военная операция, начатая в 2022 году, могут быть осмыслены как признак постепенного и все еще не вполне уверенного перехода от стратегической амбивалентности к запаздывающей «национализации» [Зевелев 2014; Малахов, Осипов 2021]. Однако в истории наличие даже нескольких прецедентов не означает, что мы имеем дело с устойчивой закономерностью и линейной сменой одной модели другой. Историческая динамика в каждом конкретном случае остается принципиально открытой, факторы, влияющие на исход, многообразны, а их конкретные констелляции в известной степени случайны и уникальны. Опыт других стран и регионов задает в лучшем случае границы большого веера исторически возможных моделей скорее, чем одну универсальную траекторию.

Еще в 1970-е годы и нация, и империя казались многим отжившими архаическими формами. Но многообразие трансформаций европейских империй в государства-нации указывает на непредсказуемость исхода и на длительные периоды *существования* этих двух политических форм организации политической власти и территорий, которые раньше принято было противопоставлять⁶. Подобно тому, как Э. Геллнер, Б. Андерсон и С. Малешевич показали, что нации и национализм были и остаются социально устойчивыми структурами современности, а не реликтами прошлого, Ю. Остерхаммель, С. Бергер, А. Миллер и другие ведущие историки империй демонстрируют, что имперские структуры также были и во многом *остаются* несущими конструкциями модерна⁷. Таким образом, опираясь на актуальную историографию, вместо гипотезы о *переходе* от империи к нации мы скорее можем принять принципиальную множественность и «многоукладность» как вероятную константу для соотношения имперской и национальной моделей. В отношении предполагаемой развилки между гражданской и этнокультурной идентичностями вопрос представляется еще более открытым. В этот слоеный пирог коллективных идентичностей могут добавляться и новые типы, а пропорции или относительные веса разных ингредиентов могут меняться. Я предлагаю ис-

6 Наиболее полно рамочная концепция этого нового взгляда на историю нации и империй в Новое и Новейшее время, а также критика их поспешной «архаизации» представлена в: [Osterhammel 2014]. См. также известный сборник, подводящий итоги переосмысления западноевропейского опыта и предлагающий обзор сходных процессов в Восточной Европе: [Berger, Miller 2015].

7 Вместо телеологического перехода от империи к нации историки обнаруживают и устойчивость имперских структур, и даже «обратное» движение наций в сторону имперских форм: «В этой удивительной ситуации настоящее эссе ставит перед собой более скромную задачу: оно рассматривает империю как особый тип государства и как структуру социальной жизни и индивидуального опыта, и оно просто утверждает, что девятнадцатый век был в гораздо большей степени веком империи, чем, как продолжают считать и учить многие европейские историки, веком наций и национальных государств» [Osterhammel 2014: 392]. В своих недавних работах Синиша Малешевич дополняет этот ревизионизм соотношения империи и нации указанием на обратный феномен: «Однако, в то время как другие ученые исследуют, как и когда имперские проекты перенимают националистические идиомы и практики, мое внимание сосредоточено на другой стороне этих отношений: как национальные государства используют имперские и квазиимперские проекты для повышения своей националистической легитимности внутри страны и престижа власти за рубежом» [Malešević 2019: 91].

пользовать новый и более нейтральный термин «хронотоп», в частности, для того чтобы явно исключить нагруженные фреймы нации и империи из описания самой базовой формы или воображаемого тела коллективной идентичности во времени. Хронотоп в данном случае — это более абстрактная и более общая форма современной коллективной идентичности, чем нация-государство или империя.

Изучая деятельность элит, публичных интеллектуалов и мыслителей, историк должен держать в уме, что речь по умолчанию идет о *конкуренции* символических проектов коллективной идентичности на разных уровнях социальной организации, которая в определенных ситуациях может приводить к возникновению устойчивой и широкой разделяемой идентичности или к *гегемонии* одной из *артикуляций* в терминах Лакло и Муффа [Laclau, Mouffe 1985]. Исход этой конкуренции везде не предрешен и зависит от убедительности и близости предлагаемых идеологами ходов для широкой публики, текущей этнокультурной структуры и взаимодействий разных политических акторов внутри и вне сообщества. Особенностью текущей исторической конъюнктуры представляется то, что в России происходят разнонаправленные процессы и сосуществуют разные модели, где временно или даже устойчиво *не возникает* гегемонического проекта⁸. Средствами интеллектуальной истории мы можем в первом приближении проанализировать происходившие в России попытки нескольких влиятельных интеллектуалов предложить свои варианты одновременно постимперской «пересборки» наследия российской и советской империй в терминах европейского *русского национального* государства.

Я хочу проследить, как в публичной риторике политического сообщества целое конструируется через операции *объединения* и *исключения* «нашего» и «ненашего». Объединяющим маркером национального единства может быть этническая и/или культурная принадлежность, но также религия, верность монархической династии, сверхнациональная (советская, американская, лузотропикальная) общность или дружба народов, а также идентификация с отдельными политическими институтами или великими деятелями воображаемого коллективного прошлого (Жанна д'Арк, Мустафа Кемаль, «древняя конституция», отцы-основатели и т.п.). *Противопоставление* своей общности другим институтам, странам, группам или деятелям работает как негативные маркеры⁹. При этом часто негативные маркеры указывают на сограждан в настоящем или на целые исторические периоды в прошлом, которые должны

8 Представляется, что именно это обстоятельство выражается в столь разных оценках ученых и экспертов. Ср. с формулировкой ведущего российского специалиста В. Малахова: «“Нация” есть проекция на общество определенных ожиданий. Вряд ли имеет смысл пытаться утвердить единственно правильную точку зрения на то, как следует интерпретировать данное понятие (и, соответственно, объявлять неправильными все остальные). *Гегемония* (курсив наш. — Т.А.) здесь и невозможна, и не нужна» [Малахов 2017: 190]. Так, даже направление исторической динамики национализации вызывает споры. См., например, два авторитетных и принципиально разных взгляда на «национальное» и на динамику «национализации» в российской политике: [Brubaker 2011; Giuliano, Gorenburg 2012]. Ср. недавнюю диссертацию о сложной игре политического руководства России по отношению к четырем конкурирующим националистическим тенденциям: [Laine 2021].

9 См. классическую работу историка П. Салинса о формировании представлений о другом и границах на примере возникновения современных Испании и Франции: [Salins 1989].

быть *исключены* из символического хронотопа, но затем и из политического сообщества, что, как мы видели, послужило важнейшей причиной чисток и геноцидов за последние двести лет. В таком случае возникают разрывы или полости в воображаемом или актуальном «коллективном теле»¹⁰.

Методологически я исхожу из необходимости признать как реальность *социального конструктивизма*, то есть способности людей намеренно создавать и передавать другим представления о своей и чужой индивидуальной и коллективной идентичности в форме общих историй и символов, так и относительную важность «примордиальных» этнокультурных сообществ и социально-экономических структур¹¹. Коллективные идентичности в известной степени пластичны и подвержены моделированию и распространению сверху, но это не исключает автономной роли этнокультурных самосознаний различных групп, инерции социальных практик, конкуренции разных проектов и возможности субъективного выбора индивидов и групп в ответ на усилия «конструкторов»: административные меры, риторические конструкции мыслителей и публицистов, литературу, систематическое воздействие государственных или общественных институтов, таких как школа, церковь и официальная пропаганда.

Итак, для большинства современных политических режимов и лидеров формирование устойчивого и привлекательного хронотопа оказывается важной политической задачей и одной из основ устойчивой легитимности [Ливен 2020: 25]. При этом конкурентный характер этой конструкции, обусловленный *множественностью* предлагаемых проектов и (большой или меньшей) *разнородностью* исходных строительных блоков, и задает целый спектр возможностей и открытое будущее. В некотором идеальном случае хронотоп страны представлял бы собой прочное единство нарративов, где одна большая и гомогенная группа людей всегда жила на этой земле и придерживалась традиционного устройства. На другом полюсе — конкуренция множества несовместимых друг с другом нарративов или проектов пористого или взорванного хронотопа, где множество голосов не признают друг друга и своей принадлежности сообществу, хотя и проживают совместно на некоторой территории.

Культурные практики, примордиальные общности, базовая самоидентификация и иерархия идентичностей граждан, символические события, целые эпохи, и социоэкономические структуры служат своеобразными «строительными блоками» для символического конструирования и политического проектирования. В социальном мире «строительные блоки» могут менять форму, но не всегда и сразу поддаются уговорам и призывам «реконструкторов» — требуется признание и узнавание больших групп людей своей идентичности

10 См. новое сравнительное исследование последствий такого символического исключения и затем уничтожения целых групп в недавнем прошлом для конструирования политической идентичности: [Лёзина 2021].

11 В российской литературе близкую исходную методологическую установку разделяют В. Тишков [Тишков 2023: 9–14] и Э. Паин [Паин 2023: 28]. См. одну из ранних версий такого сбалансированного подхода к национализму наряду с Андерсоном: [Calhoun 1993]. Энтони Смит, работы которого также стали классикой, последовательно настаивал на необходимости учитывать и исследовать «этнокультурные ядра» современных наций *наряду* с символическим и конструктивистским моментом, см.: [Smith 1986]. С. Малесевич развивает этот подход как этносимволическую перспективу на историю современного национализма, см.: [Malesevic 2006; 2019].

в том или ином нарративе идеологов и политиков. При этом идеологи обычно не просто собирают свою версию хронотопа сообщества, но и *сами* говорят от его лица и часто обращаются к сообществу с призывом *осознать* себя. Так, в XIX—XX веках марксисты говорили от лица пролетариата, который еще не знал о своем существовании в этом качестве и даже не признавал своего имени, а прогрессивные националисты — от лица молодых наций, только еще рождавшихся из этносов и более диффузных и часто разнородных этнокультурных сообществ.

Исходя из признания важности и конструктивизма, и «предзаданных» социальных структур, можно утверждать, что каждый публичный проект сборки пазла содержит перформативный набор *притязаний* или утверждений — и таким образом обладает политическим потенциалом признания и легитимации¹². На уровне публичной коммуникации, политической борьбы внутри государственных институтов или в бытовом общении предложенные ходы и варианты сборки хронотопа могут оказаться востребованными или остаться чисто интеллектуальным «прототипом». Однако интеллектуальный историк реконструирует доступными средствами прежде всего *намерения* авторов, скорее, чем их политическое влияние [Атнашев, Велижев 2018]. В дальнейшем я буду обращаться к политическим проектам или узлам проектов трех интеллектуалов-националистов, прямо не рассматривая степень их влияния на решения, государственные институты или актуальную идентичность россиян. Наш содержательный фокус в данном тексте — на самих конструкциях. Политическая значимость, потенциал признания и возможная альтернатива кратко рассматриваются в заключении.

Для более дифференцированного анализа вариантов сборки хронотопа полезно различить несколько риторических стратегий взаимодействия между конкурирующими и кооперирующими носителями различных его версий. Я различаю авторские стратегии *включения*, *патронажа*, *союза*, *исключения*, *вражды*, *присвоения* и *деконструкции* в отношении отдельных элементов или узлов хронотопа, других его версий или представителей отдельных групп внутри или вовне страны.

- *Включение* выражает притязание на полное поглощение и интеграцию отдельной группы в общность, от лица которой говорит автор (без остатка). Например, «русское» включает «казаков», «поморов», «сибиряков» [Ремизов 2016], но также и «мужчин» и «женщин», «пролетариев» и др., которые в принципе могли бы заявить себя как самостоятельную политическую общность, претендующую на относительную автономию или на полноценный суверенитет (ср. патронаж).
- *Патронаж* выражает притязание на главенство и предполагает включение отдельной группы в общность на правах автономии (с остатком). Например, Солженицын предлагает «малым народам» остаться в России на правах младших партнеров трех братских русских народов [Солженицын 1990].
- *Союз* выражает готовность партнерского взаимодействия общности, от лица которой говорит автор, с другой группой без слияния. Так, Солжени-

12 Я следую здесь общей логике понимания перформативности речи в философии Дж. Остина и в интерпретации К. Скиннера, приложившего эту теоретическую модель языка к интеллектуальной истории. См.: [Атнашев, Велижев 2018].

цын предлагает равноправный союз великороссов, малороссов и белорусов [Там же].

- *Исключение* ставит четкую границу между общностью автора нарратива и другой общностью, что запрещает ее членам притязать на общность или союз. Например, Крылов символически исключает всех «новиопов» и элиты «националов» из русской нации [Бобров, Михайлов 2018: 284]. Ремизов и Крылов исключают национально-территориальные автономии как юридические образования [Ремизов 2016; Крылов 2008]. Солженицын в 1990 году предлагал избавиться от балтийских, кавказских и среднеазиатских республик, указывая на сложности их ассимиляции [Солженицын 1990]. Все трое исключают «советский период» и «советское наследие» из национального прошлого [Там же; Ремизов 2002; Крылов 2008].
- *Вражда* указывает на необходимость различных форм борьбы группы носителя дискурса против другого сообщества, вплоть до массового насилия. Ремизов рассматривает агрессию Запада как на источник экзистенциальной угрозы, задающей мобилизационную повестку нации и обращает ее вовне [Ремизов 2002; 2022]. Крылов провозглашает национально-освободительную борьбу русского народа против «новиопской» метрополии и союза нерусских элит внутри страны [Крылов 2008].
- *Деконструкция* (высмеивание) — критика и дискредитация проектов прямых оппонентов или близких конкурентов, предлагающих свои варианты сборки. Например, Ремизов и Крылов критикуют и высмеивают «либеральную нацию», «эрэфию» или «многонациональный народ РФ» [Ремизов 2002; 2016; Крылов 2008; 2014].

Наконец, важно добавить еще одну важную характеристику политических хронотопов «воображаемых сообществ». В большинстве состоявшихся современных государств складывался динамичный конгломерат из частично конкурирующих и частично совпадающих нарративов, собирающих граждан, историческое время и пространство. В современном контексте после 1945 года предполагается, что собранный целый пазл совпадает с юридическими и фактическими границами страны-нации, а насильственное изменение границ табуировано. Множественность и гетерогенность дискурсов — структурное свойство современных обществ, и в этом смысле единство национального хронотопа редко встречается в *чистом* виде. Но важны как степень разнообразия, так и совпадение воображаемых версий сообщества и существующих государственных границ.

Особенность постсоветских тридцати лет в России заключается в том, что такая общность остается под большим вопросом и часто осмысливается *сами* мыслителями-националистами не как данность и уже преднаходимая реальность нации, но как интеллектуальная задача и разобранный пазл для авторской пересборки. В современном контексте особенно значимо и то, что фактические границы государства в моменте *не совпадали* со всеми тремя «авторскими» версиями хронотопа русской нации. При этом все три хронотопа существенно различаются между собой.

Общая территориальная динамика Российской империи, СССР и Российской Федерации за прошедший век указывает на фазу отступления империи — в результате были утрачены территории на западе, юге и на севере по размеру территорий и населения сопоставимые с оставшимся «ядром». В контексте мо-

дерных обществ утрата ранее входивших в общность регионов, народов и соответствующих укладов ставит проблему переформулировки единства постимперского и национального хронотопа. Выражением этой проблематики становится переосмысление того, что было «нашим», как «ненашего» и, наоборот, попытка сделать уже «не наше» снова «нашим». В следующей части статьи с помощью предложенной рамки я эскизно рассмотрю влиятельные и оригинальные авторские нарративы, или версии постимперской и национальной сборки хронотопа современной постсоветской России, предложенные яркими представителями нескольких поколений. Речь пойдет о текстах, написанных А. Солженицыным в 1990 году, М. Ремизовым — в начале 2000-х и в 2020-х и К. Крыловым — в начале 2010-х годов.

Три версии сборки русского национального хронотопа на месте СССР

Александр Солженицын

В сентябре 1990 года Александр Солженицын (1918—2008) опубликовал свой знаменитый манифест «Как нам обустроить Россию. Посильные соображения» [Солженицын 1990], призванный наметить контуры будущего Русского государства и отказаться от непосильного более имперского бремени. Манифест был опубликован тиражом более 20 миллионов экземпляров почти одновременно в нескольких изданиях. Текст всемирно известного писателя и диссидента вызвал множество откликов, хотя в моменте и не был принят обществом или политиками как актуальная программа¹³. Высказывание важно вписать в исходный контекст. В момент публикации трактата СССР оставался символической рамкой для публичной полемики, хотя страна переживала глубочайший экономический и политический кризис. Солженицын шокирует современников призывом решительно отказаться от СССР и осознанно подходит к задаче реконструкции *нового*, но в то же время *исконного*, исторического хронотопа страны как «России и страны русских», исключая из проектируемого хронотопа коммунизм, советское наследие и большую часть советских республик.

«А что же именно есть Россия? Сегодня. И — завтра (еще важней). Кто сегодня относит себя к будущей России? И где видят границы России сами русские?» [Там же: 4]. Прямо говоря *от лица* всех русских и всей исторической России, писатель считает необходимым сбросить «лишние» территории и народы на юге и на западе («три прибалтийских республики, три закавказских республики, четыре среднеазиатских, да и Молдавия, если ее к Румынии больше тянет, эти одиннадцать — да!» [Там же]). Далее он указывает, что Казахстан был «нарезан» коммунистами без разума из «частей Сибири и Приуралья» [Там же: 5]. Поэтому южная дуга областей, где проживают казахи, может отделиться, а Северный Казахстан законно отойдет к России. Мыслитель постоянно повторяет, что мирная пересборка нового целого требует сложной выкройки и мудрости. Автор проектирует сложносоставную общность, имена

13 Общий обзор влияния Солженицына на русский национализм см.: [Rowley 1997].

которой Россия, Русь и Российский Союз. В ядре — обобщенные русские, три кровных братских народа с корнем «рос». И периферия из ста народов и народностей, включая совсем малые. К каждому из больших и малых народов Солженицын обращает свой проект обустройства привлекательной стороной. Общая логика пересборки заключается в том, чтобы отказаться от внешней имперской экспансии и *добровольно* собраться вокруг исконного общего русского ядра.

Поэтому для мыслителя так важно предложить недовольным малым народам свободно покинуть союз. Только добровольное согласие может быть твердой основой сообщества, а «пространственное мышление», «имперский дурман» и «советский державный патриотизм» — главная коммунистическая опасность, ибо «нет у нас сил» на Империю. Ключевой аргумент в пользу отказа — невозможность *ассимиляции* окраин в ситуации демографического упадка русских. Собираение ядра поможет сохранить и развить русский дух и русскую культуру. Отрицая и символически исключая СССР из хронотопа¹⁴, Солженицын приписывает имперское начало коммунизму. А из позднего наследия Российской империи вдруг проступает «рождающееся русское национальное самосознание» в сочетании с братством народов. Можно говорить о своеобразном имперском русском национализме, который одновременно ставит себе цель и ассимиляцию других народов русскими, и сбережение этнокультурного разнообразия союза народов.

Отвечая на вопрос о возможном отказе части братских народов от присоединения к будущему Русскому Союзу, Солженицын делает ставку на точный выбор аргументов, политическую мудрость и корневые связи. В качестве практического решения мыслитель предлагает тотальный и мозаичный референдум или отдельное голосование для каждой «местности». В результате должно возникнуть исконное и одновременно новое единство — союза трех русских народов и множества малых наций.

Откуда этот замах: по живому отрубить Украину (и ту, где сроду старой Украины не было, как «Дикое Поле» кочевников — Новороссия, или Крым, Донбасс и чуть не до Каспийского моря). И если «самоопределение нации» — так нация и должна свою судьбу определять *сама*. Без всенародного голосования — этого не решить... никто не посмеет удерживать его (украинский народ. — Т.А.) силой. Но — разнообразна эта обширность, и только МЕСТНОЕ население может решать судьбу своей местности, своей области [Там же: 8].

Проект сборки «Российского Союза» Солженицына, очевидно, не был реализован буквально. СССР распался по границам, с его точки зрения, бездумно нарезанным коммунистами. В последние годы жизни самодостаточный и неподкупный русский мыслитель и диссидент проявлял знаки благорасположе-

14 Советский период для Солженицына последовательно предстает именно как период политики, направленной против русских. Ср.: «Подрубить именно русский народ и истощать именно его силы — была из нескрываемых задач Ленина. И Сталин продолжал следовать этой политике, даже когда произнес свой известный сентиментальный тост о “русском народе”» [Солженицын 1995: 681]. «А советская история была именно тупик. И хоть в эти 20–30-е... 60–70-е правила *не мы с вами* — а отвечать за все содеянные злодейства и перед всем миром достается — кому же? да только нам, и, заметим: только русским!» [Там же: 685].

ния Владимиру Путину, президенту страны и бывшему сотруднику КГБ. Писатель встречался с политиком для обсуждения «актуальных вопросов». Мы можем лишь допустить, что формула «три братских русских народа + часть Казахстана» могла стать для действующего президента актуальной и адекватной заменой советской державы, распад которой он называл геополитической катастрофой. Советский *державный милитаризм*, против которого так настойчиво выступал великий писатель, был маргинализирован в 1990-е годы. Однако стремление части политиков и граждан вернуть отдельные утерянные ранее элементы постимперского пазла приобретали все большее значение и содействовали возвращению советского же милитаризма и империализма и постепенному отказу от принципа добровольности.

Для нас же здесь особенно важна обнаженная Солженицыным модель *ручной пересборки* исторического и географического пазла отступающей империи. По его замыслу, предложенный им новый крой гармонично сочетает триединую русскую нацию, «содружность наций», выстроенную как почти равноправный союз, и шепотом проговариваемую задачу патронажа и мягкой ассимиляции окраин в сочетании с полными правами каждого народа на свой язык и культуру. Напротив, Узбекистан или Латвия исключаются и из будущего, и из прошлого пазла. Также как из прошлого хронотопа России в версии Солженицына — в отличие от текущей официальной доктрины — критически исключается советское наследие и в пределе весь советский период, чтобы символически воссоздать дореволюционную и крестьянскую Россию.

Михаил Ремизов

В начале 2000-х годов Михаил Ремизов (род. 1978) стал одним из наиболее влиятельных и ярких публицистов и политических мыслителей своего поколения¹⁵. Рано обозначив свою принадлежность консервативному направлению, он начинает в журнале Глеба Павловского «russ.ru» как редактор раздела «Политика» в орбите Фонда эффективной политики. Но уже через два года уходит оттуда, публично выступив против проекта «либеральной нации», продвигаемого фондом. Затем на протяжении многих лет совместно со Станиславом Белковским Ремизов участвует в ряде политических проектов, позиционирующих себя как экспертные и публицистические площадки национального строительства (Агентства политических новостей, Института национальной стратегии)¹⁶. В 2005 году он занял пост президента Института национальной стратегии, а с 2012 года возглавлял экспертный совет при коллегии Военно-промышленной комиссии. В 2019 году Ремизов продолжит работу в этой сфере

15 В 2004 году в рейтинге «российских интеллектуалов» М. Ремизов занял 26-е место, опередив Д. Галковского, А. Зорина, А. Проханова, В. Третьякова, С. Чернышева и др. (Интеллектуальная Россия: Рейтинг социогуманитарных мыслителей. 100 ведущих позиций. Год 2004 // <https://www.sostav.ru/articles/rus/2004/08.09/news/intelekt.html> (дата обращения: 06.05.2024)).

16 См.: «Наконец, при переходе к обществу модерна формируется современная нация — как культурно однородное и социально солидарное сообщество равных людей» (Белковский С., Ремизов М. Специальная теория модернизации // Газета.ru. 2009 (http://www.gazeta.ru/comments/2009/10/12_a_3272036.shtml (дата обращения: 06.05.2024))).

как управленец и будет уже от своего имени точно выступить в прессе с программными политическими текстами.

Молодой мыслитель в начале 2000-х видит свою задачу в том, чтобы, «освободившись от коросты обыденности и от всякого старого тряпья, ощутить, стоя на грани, непреложность своего существования, с тем чтобы выбрать себя, изобрести себя, спроектировать себя — себя, то есть Россию, — заново» [Ремизов 2002: 112]. Он прямо говорит о необходимости *создать* «воображаемое сообщество», разделяя два способа такого проектирования: утопическое и фундаменталистское. Утопическое проектирование предполагает универсальный порядок без привязки к времени и месту (США). Фундаменталистское проектирование обращается к «пространственно-временной генеалогии» и нацелено на «возобновление истоков» (Израиль)¹⁷. В современной России Ремизов противопоставляет бюрократизацию, бизнес-аппетиты элит и деполитизацию масс фигуре харизматического политика («полковника»), способного принимать подлинные решения — то есть провоцировать события, разрывающие обыденность и ломающие периметр права и порядка. По его мнению, в 2001 году Россия находилась в пограничной ситуации, под угрозой гибели от рук хищных конкурентов, но население, чиновники и элиты спали в плену повседневности [Там же: 46].

Именно создание и утверждение собственного мифа, собственной версии исторического сознания позволяет стране «войти в историю». Напротив, возникшая в 1991 году «Новая Россия» основана как иллюзорный либеральный проект, отрицающий прошлое с его уникальной связкой пространства, людей и времени. При этом реальность исторической судьбы России, которую вслед за А. Филипповым Ремизов предлагает принять как необходимый исходный миф, суть пространственно-временная перспектива империи. Напротив, утверждаемая «национальным либералом» Г. Павловским или «либеральными консерваторами» во главе с А. Кара-Мурзой, «новая Россия» — для самого радикального консерватора — *пока не существует*. С его точки зрения, в ранние 2000-е страна все еще находится в периоде смуты, когда ее субъектность максимально ослаблена. И только «полковник» может разбудить страну и объявить всеобщую мобилизацию.

Конституция 1993 года, государственные границы и сложившийся статус-кво в стране оказываются главной мишенью критики и деконструкции для радикального консерватора Ремизова. Жак Деррида помогает тут отвергнуть правовую фикцию либерального порядка. Ибо юридическая тавтология Конституции, которая сама себя утверждает в качестве основания политического порядка и как принцип единства сообщества, которое принимает Конституцию, и рутина статус-кво блокируют возможность артикулировать «доправовые, то есть *настоящие*, политические основания политического сообщества», для которых уже не подходит постмодернистская ирония [Там же: 39–40]. В ряде текстов автор прямо указывает, что таким основанием общей судьбы является «этнокультурная общность», которая табуирована и в либеральной Европе, и в России. В этом случае автор сознательно выбирает старую, «немец-

17 Парадоксальный тезис о том, что методологический конструктивизм не противоречит национальному консерватизму и автоматически не должен вести к «преодолению предмета», Ремизов более подробно разовьет в статье для первого номера журнала «Вопросы национализма» в 2010 году [Ремизов 2010].

кую» модель нации, предпочитая ее «конституционному патриотизму» Хабермаса. Как иронически констатирует публицист, никто не готов «умереть за статус-кво» или «за конституционный патриотизм» [Там же: 64]. Михаил Ремизов, напротив, был уверен, что «гражданская нация» либеральных индивидов, которая совпадает со случайным узором границ, суть трусливый отказ от судьбы, политики и исторической воли. Такое государство и такая национал-либеральная нация не пройдут испытания, когда само существование страны поставлено под вопрос:

Логика «гражданской нации» предполагает, что все пересечения гражданства с этничностью («культурой», «происхождением», «религией», «языком») случайны, то есть не имеют отношения к сути гражданства. «Нация граждан» есть нация формальных граждан, которые и мобилизованы могут быть только формально [Там же: 79].

Константин Крылов

Константин Крылов (1967—2020) даже после смерти занимает особое место в современной политической мысли как наиболее влиятельный, последовательный и жесткий русский националист, прямо исповедовавший *этническое* прочтение национальности и защищавший «моральное» и интеллектуальное право на такую публичную позицию [Святенков 2020]. Долгое время Крылов был редактором сайта «arp.ru», которым ранее руководил Ремизов, а затем запустил новый научный журнал «Вопросы национализма», но с трудом обеспечивал финансирование проектов. В целом, несмотря на неформальный авторитет, он занимал не самое видное положение в публичном пространстве даже в среде русских националистов. Однако на момент его недавней кончины Крылов оказался фигурой, вызывающей уважение и признание очень широкого круга интеллектуалов и активистов¹⁸.

Радикальный мыслитель видел своей задачей перейти от спектра идеологий, которые используют национализм «через черточку» («национал-большевизм», «национал-монархизм», «национал-империализм», «национал-анархизм»), к проекту,

в котором Русский народ не является средством для чего бы то ни было — Государства, Империи, Социальной Справедливости... <...> С осознания этой простой мысли — русские нужны сами себе, а не как ресурс или топливо для чего-то внешнего, сколь бы привлекательным оно ни было, — и началось русское движение в подлинном смысле слова [Крылов 2008].

Перекодируя общественное и символическое пространство страны, Крылов, во-первых, настойчиво добивался признания нормальности «русского национализма», избавления его от навязываемого властью и интеллигенцией комплекса неполноценности и вины, опираясь на язык и опыт европейского нациестроительства. Именно это «терапевтическое» вмешательство, как представляется, сделало его столь авторитетным в среде националистов. Во-вторых,

18 В частности, см. специальный номер журнала «Вопросы национализма» за 2021 год, посвященный памяти К. Крылова.

как и многие другие, публицист иронически обличал «химеру многонационального народа». В-третьих, он предложил свою интерпретацию хронотопа РФ и свой проект создания русской нации.

Крылов описывает сложившийся политический режим как союз высшей власти, спецслужб, бизнеса и интеллигенции, в основном представляющих национальные меньшинства против поработанного и бесправного русского народа или русской нации. Аналогичную схему «империи наоборот» он обнаруживает в СССР и в Российской империи. Россия никогда не была империей в классическом западном смысле, но скорее союзом национальных метрополий против общей колонии — «русской России». Хронотоп страны должен быть переkreоен через осознание первенства до сих пор подавленного и спящего субъекта-суверена. Так, например, вредный для патриотов раскол на красных и белых преодолевается через указание на примиряющее всех первенство русского над любыми другими политическими принципами, что означает и конец «гражданской войны». Неожиданный *антиимперский*, антиколониальный пафос Крылова позволяет сформулировать русскую национально-освободительную и демократическую программу как революционную доктрину, обращенную и в будущее, и в прошлое.

С точки зрения политической практики речь идет о демократической форме координации. «На наших глазах складывается иная система — а именно сеть русских организаций, тесно координирующих свою деятельность, связанных совместными проектами, перекрестным членством, личными контактами, и, конечно, общей целью — созданием русской нации и строительством русского национального государства» [Там же]. Субъектом будущей политики, от лица которого говорил Крылов, была угнетенная «русская нация», понятая как объект эксплуатации, обвинений, русофобии и русоцида со стороны правящих элит и нацменьшинств¹⁹. Пассивный и потерянный сейчас русский *обыватель* должен осознать свою идентичность и превратиться в осмысленного русского националиста, и начать объединяться. Русские националисты, с его точки зрения потенциально представляющие подавляющее большинство в стране, являются последовательными *демократами* и должны избегать соблазнов «евразийцев» или «державников», говорящих о склонности русских к единовластию. Организованная нация обязана самоуправляться.

В пазле Крылова паразитические и нерусские элиты и антирусские этнократии исключаются из общего тела, но «для обычных татар, бурят или чукчей русское национальное государство будет скорее более комфортным, чем нынешняя “многонациональная” РФ» [Там же]. Для них предлагается патронаж и забота со стороны русской нации — сохранение культурной автономии и освобождение от собственных паразитических элит, что предполагает попытку деконструкции националистических нарративов в нерусских республиках. Всем нерусским гражданам гарантированы индивидуальные права и дружелюбие русских (не будет «расистского государства»), хотя сами угнетаемые русские и заслуживают «позитивной дискриминации». Напротив, советская

19 «На моей памяти из русских все время что-то делали — то есть резали их на куски и пытались сшить из этих кусков то “советский народ”, то “россиян”, то вот теперь “российскую нацию”. Разумеется, именно из русских — все остальные шестьсот шестьдесят шесть народов России неизменно оставались самими собой» [Крылов 2016: 3].

идентичность остается для Крылова предметом постоянного высмеивания или аналитического отрицания: «концепт “советского народа” давал людям (прежде всего русским) ложное чувство принадлежности к фантомной “всесоюзной общности”» [Крылов 2014: 4].

Как же, по мнению Крылова, происходит сборка национально-территориальных границ? С одной стороны, существует «труднообъяснимая... связь между народом и землей, на которой он живет» [Крылов 2008]. С другой — нужно отделить каркас государства и его аппарат от земли и нации. Националист считает, что процветание *народа* важнее, чем существование *государства* «под названием РФ». Сначала русская нация должна стать хозяином в своем государстве. И в будущем сильная национальная Россия вполне может начать процесс ирреденты, реинтеграции «славянского ядра» или возвращения утраченных земель, а также обеспечить репатриацию русских со всего мира. В отношении национальных республик внутри страны в конечном счете «необходима либо сепарация, либо реконструкция» [Там же]. В частности, кавказские республики должны сами доказать русским пользу от своего вхождения в Россию.

Наконец, К. Крылов оригинально разрешает еще один чувствительный момент для общей модели национальной сборки воображаемого сообщества — отношение к *православию* как маркеру «разрешенного русского чувства». В нескольких публичных работах за год до смерти он прямо атаковал РПЦ как декоративную часть госаппарата («единственная легальная форма русскости») и утверждал приоритет русскости над маркером православия: «РПЦ МП в нынешнем ее состоянии перестает быть нужной кому бы то ни было, кроме самой себя. Это абсолютный провал, фиаско, полное поражение проекта...» [Крылов 2019].

Михаил Ремизов (2022)

Весной 2022 года Михаил Ремизов вновь указывает на слабость и нежизнеспособность современной европейской либеральной модели гражданской нации для России [Ремизов 2022]. В своей апологии присоединения новых территорий он опирается на часть ходов Солженицына — возрожденная русская нация должна стать демократическим гегемоном и обустроить Россию²⁰. Неудачи «идей “Русского мира”» на Украине консервативный философ объясняет «непристижностью» и «невыгодностью» русской идентичности в самой России и соседних странах, заимствуя аргументы Крылова.

Отмечая укорененность имперского наследия в России, Ремизов видит создание нации как новую задачу и как экзистенциальный *выбор* политиков и мыслителей, которых в критический момент поддержит проснувшееся общество. Воспитание и образование создали классические европейские *нации* эпохи модерна, которые, однако, в последнее время уступили место либеральным *гражданским сообществам*. Речь идет о достаточно последовательной попытке привить на русской почве немецкую национальную модель начала XX века. Только *этнокультурная* общность, сплоченная по принципу «свои

20 В более ранней книге политолог обосновывает включение Крыма как часть становления русского национального государства и деконструирует типичные критические тропы против русского национализма [Ремизов 2016].

против чужих», выбирающая коллективную судьбу и ощущающая связь с землей, способна защитить имперские завоевания прошлого от уравнивающей поступи глобализации. Только такой коренной национализм может обеспечить гражданский мир и социальную солидарность внутри страны. Для поднятия статуса русского национализма до уровня официальной доктрины Российского государства, в котором Конституция провозглашается от лица «многонационального народа», Ремизов ссылается на тексты недавних решений Конституционного суда:

Ключевым основанием легитимности присоединения новых регионов к России является их русская идентичность. Это прямо зафиксировано в соответствующих постановлениях Конституционного суда... Россия больше не является нацией в административных границах РСФСР. Мы историческая нация, нация общей судьбы [Там же].

Однако искомой гомогенной национальной идентичности и солидарности мешает во многом та самая историческая укорененность и уникальная история страны-империи. В качестве дополнения к ядру русской национальной идентичности у Ремизова, как и у Солженицына, теперь тоже выступает «союз народов», где каждый участник может найти свои доводы в пользу развития в едином государстве, хотя для обоих мыслителей речь здесь идет, в наших терминах, о *патронаже*, а не о более равноправном партнерстве, заложенном в понятии «многонациональный народ». В целом русский национальный проект, включая и представление о союзе народов, оказывается легитимацией для фактического дальнейшего расширения территорий в «пространстве исторической России», ареал, оставляющий вопрос о границах принципиально открытым: «Сильная и открытая русская идентичность является основой того альянса народов, который сложился на пространстве исторической России. Без нее это пространство обречено на распад» [Там же].

Посильные либеральные соображения о строительных блоках хронотопа

В заключение я хотел бы отметить несколько общих черт рассмотренных русских национальных проектов современной России, и уже в жанре не исследования, но проекта указать на основания для возможной либеральной альтернативы. Во-первых, важно отметить четкое осознание рукотворности нации как модели для сборки, осмысление национального сообщества как *проекта*, конструкции и задачи на будущее каждым автором при одновременном утверждении фундаментальной, или *примордиальной*, основы сообщества. Во-вторых, мы видим многообразие и противоречия различных постимперских националистических сборок хронотопа — не возникло явного *гегемонического* представления о границах сообщества, критериях принадлежности к русской нации, нет согласия о ключевых маркерах принадлежности, ни о степени предполагаемой культурной интеграции или ассимиляции братских, союзных и соседних народов. С разной степенью жесткости и оговорками авторы исключают важные элементы советского наследия, воспринимая опыт СССР как катастрофу, а все еще массово укорененную советскую идентичность как досадный атавизм. Роль *православия* как объединяющего маркера достаточно

важна для Солженицына, незначительна для Ремизова и даже отрицательна в интерпретации Крылова, в частной жизни исповедовавшего зороастрийство. «Либеральная» же «эрэфная» идентичность «многонационального народа россиян» подвергается критической деконструкции и осмеянию. Я еще вернусь к этому упрямому и неподатливому камню преткновения и предмету насмешек националистов.

Все три автора отвергают существующие *границы* и «Конституцию» как основания для сборки русской нации и государства. Они ищут новые границы и новую оптимальную модель *первенства* этнокультурного исторического русского ядра при ожидаемом одобрении патронируемых малых народов будущей потери своих «титულных» национальных территорий и по-разному решают вопрос о *соотношении* русской, украинской и белорусской идентичностей.

Все три идеолога-националиста являются глубокими, эрудированными и убежденными знатоками и оригинальными *ретрансляторами старых европейских ценностей* национальной модернизации и соответствующих интеллектуальных ходов XIX—XX веков. Культурно-политически наши авторы заимствуют взгляды крайне правых европейцев, включая элементы консервативной критики самой модернизации, а экономически — скорее умеренных левых (они настороженно относятся к глобализации, крупному финансовому капиталу и культурной эмансипации). При этом одни делают ставку на низовое самоуправление и демократию, другие — на сильного лидера. Все считают русскую нацию проектом, а не данностью, и видят свою миссию в том, чтобы очертить его контуры. Наконец, сочетание элементов конструктивизма, сетований на слабое национальное самосознание и этнического эссенциализма позволяет авторам принимать известную пластичность этнонациональной самоидентификации (как ее выбора, изменения, так и полного отказа от нее), но примордиалистское понимание врожденной этнической принадлежности остается важным. При всех различиях трех мыслителей отрицание существующих границ превращает их модели национального хронотопа в де-факто *имперские* проекты. Хотя у Крылова, Солженицына и Ремизова в явном виде присутствуют серьезные антиимперские и антиколониальные мотивы, а все трое подчеркивают, что образцом для него является национальное государство. Крылов и затем Ремизов представляют русское национальное возрождение как *национально-освободительную* повестку прощания с империей (США и СССР).

Очевидно, данные нарративы составляют лишь небольшую часть пестрого ковра и официальных обоснований и/или критики существующего политического режима. Националисты в целом находятся в *диссонансе* или в более-менее скрытой *конкуренции* с мейнстримным официальным дискурсом, который скорее ориентирован на устойчивый и еще более гетерогенный сплав позднесоветского, имперского, русского, монархического и православного наследий. Эта какофония или полифония «нашего» и «ненашего» указывает на вполне открытый и пластичный характер воображаемого, но реального сообщества, в котором на данный момент, кажется, не возникло *гегемонии одного* из способов символической самоидентификации.

Какие выводы я могу сделать из вышесказанного для возможного постимперского и, в широком смысле, либерального переосмысления и пересборки русского хронотопа? Во-первых, либеральное, социал-демократическое и либерально-республиканское прочтения русского и российского сообщества

могут опираться на универсальные риторические ходы символического включения, патронажа, партнерства, деконструкции конкурирующих версий и исключения общих «строительных блоков» для сборки своего, более привлекательного хронотопа России. Исходные элементы пазла, по всей видимости, плохо стыкуются с *заимствованными* старыми европейскими моделями русских националистов, у которых не получается собрать единую модель хронотопа, опираясь на сложную и многослойную текстуру российского общества. Для создания более успешных моделей либерального хронотопа должна быть решена задача убедительной сборки и целостного осмысления исторически конкретной и в этом смысле вполне уникальной констелляции культур и людей, разделяющих чувство принадлежности к фундаментально здоровому целому, к его истории и его идеалам, — сообщества, разделяющего ответственность за совершенные от его имени преступления. Публицисты или политики, предлагающие такую сборку, могут публично говорить от лица этого предполагаемого, преднаходимого и одновременно воображаемого и конструируемого целого. От лица целого, осмысленного как общая история и как проект будущего сообщества, а не от лица заведомого меньшинства или части.

Насколько же этнокультурное видение русских мыслителей-националистов востребовано политическим руководством и насколько оно отзывается у большинства граждан России? Важно понимать, что, несмотря на интеллектуальную продуктивность и полемическое разнообразие различных версий этнонационализма Солженицына и Крылова и национализма «общей судьбы» Ремизова, политически эта позиция в течение последних тридцати лет с 1991 года остается слабо представленной и не востребованной обществом [Зевелев 2009], хотя в 2014 году этот дискурс на время стал более актуальным [Зевелев 2014]. Как я постарался показать, современный русский национализм как идеология оказывается набором авторских и глубоко продуманных версий *трансфера европейских образцов* нацистроительства, который в значительной мере игнорирует конкретные особенности сложившегося в России общества и его «элементов». В частности, националисты критикуют и буквально *исключают* из своего хронотопа советский период и связанные с ним ценности, идентичности и практики, но также вынуждены констатировать слабость национального самосознания в имперский период. Как лаконично пишет Солженицын, ссылаясь на В. Розанова, но используя понятие «возрождения» и как бы отсылая к более ранней форме национального самосознания в еще более далеком прошлом:

Возрождения русского национального сознания — в русском обществе не произошло. И В.В. Розанов (в 1911) выразил это так: «Душа плачет, куда же все русские девались?.. Я ужасно плачу о русских, ибо думаю, что погибает само племя, что вообще попирается все русское» [Солженицын 1995: 674].

Конгломерат из советской идентичности, советского патриотизма и империализма, русской культуры, ценностей и практик дружбы народов, а также советского же антиколониализма с православной версией «консервативных ценностей» и, наконец, новой «российской идентичности» остается более популярным и востребованным в официальной и неофициальной риторике, чем ставка на этнокультурную русскую (по модели Германии, Греции или Армении) или на монокультурную гражданскую русскую идентичность (по модели Франции). С другой стороны, частичный характер мобилизации и преимущественно контрактная модель комплектования участников СВО с зарплатой

в пять-шесть раз больше медианы указывают на то, что этнокультурный и одновременно неоимперский проект, описанный Ремизовым в терминах выбора «общей судьбы» в широких границах исторической России, не стал актуальной моделью для большинства граждан.

В качестве приглашения к размышлению о структуре национальной самоидентификации большинства россиян можно использовать результаты соцопроса, проведенного в 2019 году по заказу агентства «Regnum»²¹. Возможно, выявленная здесь исторически сложившаяся и вполне массовая, сильная и открытая русская идентичность, не предполагающая гомогенизации, но осознающая себя как естественную принадлежность к единому целому русской культуры и к его собственной модели этнокультурного разнообразия, окажется частью полезного и вполне либерального постимперского наследия. Важно подчеркнуть, что вопрос об этнической, культурной и гражданской идентификации россиян заслуживает эмпирически фундированной дискуссии, небольшой вклад в которую я надеюсь внести настоящими «либеральными» соображениями.

Таблица 1

Генеральное распределение ответов на вопрос: «Россия — многонациональное государство. Как Вы считаете, можно ли назвать жителей России единым народом?»

№	Ответ	Количество выбравших ответ, %
1	«Да, мы все — один народ, вобравший в себя разные этносы»	41,0
2	«Нет, речь идет о союзе разных народов, но не о едином народе»	29,1
3	«Сложно сказать в нашем случае, он особый»	14,2
4	«Нет, они очень разделены и разобщены внутри себя по национальному признаку»	10,0
5	«Нет, они сильно разобщены, и национальности здесь ни при чем»%	5,70

Более 40% выбирают ответ «Один народ, вобравший в себя разные этносы», что прямо указывает на двухуровневую структуру идентификации и принятие наднационального уровня, союз народов занимает второе место по значимости и его выбирает чуть менее трети (табл. 1). Вероятно, отражая как представления респондентов о социальных ожиданиях и нормах, так и их собственные установки, 34,2% россиян выбирает этнокультурное понимание «русского», представленного здесь ответом «национальность» (табл. 2). При этом лишь 16% россиян считают себя «Националистами», а для большинства эта характеристика скорее негативная²². Эти две цифры (16 и 34,2%) вероятно задают

21 <https://regnum.ru/news/society/2818412.html> (дата обращения: 06.05.2024).

22 См. опрос об отношении к национализму: <https://regnum.ru/news/society/2818412.html> (дата обращения: 06.05.2024).

Таблица 2
Генеральное распределение ответов на вопрос:
«Как по-вашему, что такое “русский”?»»

№	Ответ	Количество выбравших ответ, %
1	«Это национальность»	34,2
2	«Это состояние души»	22,3
3	«Это принадлежность к культуре»	21,6
4	«Это гражданство, в таком смысле мы все — русские, независимо от национальности»	19,3
5	Другое	2,6

текущие границы аудитории, которая может узнать себя в описании одной из версий сборки русского *этнокультурного* хронотопа, исключая советский опыт и предлагающего патронаж другим этнокультурным сообществам. Напротив, понимание принадлежности к русской нации как открытой культурной идентичности (21,6%), как загадочному «состоянию души» (22,3%) и как простого факта гражданства (19,3%) разделяется в сумме большинством граждан России и двумя третями тех, кто сам идентифицирует себя *русской* или *русским* (табл. 2). То есть среди россиян, считающих себя русскими, доля не выбирающих этнокультурные варианты выше, чем среди людей с другой идентичностью. Однако речь идет не о гражданском национализме, предполагающем высокую культурную гомогенность «нации» по французскому образцу и не о немецкой модели этнокультурной солидарности «народа», но скорее о принятии двухслойной идентичности граждан страны как участников *общего* пространства русской культуры и российского этнокультурного разнообразия. Более того, согласно В. Малахову, русские националисты скорее *мешают* возникновению общего для большинства граждан России понимания национальной идентичности²³.

Как представляется, именно такая открытая русская и российская идентичность уже присутствует как один из двух разных уровней массовой самоидентификации русских, а также тех, кто имеет одновременно несколько этнокультурных ролей. Эта сложившаяся в Российской империи и затем закреплённая в СССР *двухуровневая* идентификация раздражает русских националистов и представляется для них помехой, требующей реконструкции, переделки или перевоспитания, но она же может стать важным и готовым строительным блоком либеральной сборки. Само этнокультурное русское ядро слишком много-слойно для русского национализма по немецкому образцу.

23 Наличие такой идентичности, которую заслоняют националистические проекты, Владимир Малахов осмысляет в терминах сети коммуникаций: «Между тем, независимо от чьих-либо ожиданий, в сегодняшней Российской Федерации сформировалась и работает плотная сеть социальной коммуникации, интенсивность контактов внутри которой значительно выше, чем за ее пределами. Само существование такой сети позволяет говорить о нации, причем как в гражданском, так и в культурном значении этого слова» [Малахов 2017: 190].

Наконец, все более востребованные в том числе в официальном дискурсе и в образовании идеологемы цивилизации, хотя и отсылают к наднациональной идентичности, но оставляют вопрос о границах государства-цивилизации или нации наций еще более открытым – у *цивилизации* нет жестких границ. В этом смысле либеральная двухуровневая модель сообщества как коммуникационного пространства общей русской культуры и этнокультурного разнообразия исходит из текущих границ и в большей степени соответствует актуальной самоидентификации большинства граждан.

Один уровень отождествления соответствует общей для всех гражданской культурной идентичности, где именно русская культура и русский язык выступают как базис наднациональной национальной гражданской идентификации. Второй уровень соответствует этнокультурной идентичности, которая является приоритетной приблизительно для трети граждан и играет значимую, но подчиненную роль для двух третей. При этом люди, считающие себя русскими, в среднем чуть менее чувствительны к этнокультурной компоненте и больше ориентированы на универсалистские ценности²⁴. Вероятно, именно к этой открытой двухуровневой идентичности обращается официальная риторика, используя советские образцы или *бюрократические* формулы типа «многонационального народа» или «дружбы народов», лишённые эмоциональной привязки [Ремизов 2016: 5]. Этот базовый «строительный блок», который через отрицательные характеристики (сон нации, принуждение, беспамятство, унижения русских за их идентичность — негативные объяснения слишком слабого национализма русских) прямо признают мыслители-националисты, вполне может стать положительным основанием будущей конструкции.

Мы должны помнить, что коллективная самоидентификация пластична и со временем в ней могут появляться новые идентичности, а пропорции разных уровней меняться под воздействием политических акторов или спонтанно. Однако сложившиеся ранее существенные «слои» и соответствующие им нормы, символы и практики, вероятно, надолго останутся частью общего наследия и ценными элементами пазла для сборки. Открытая двухслойная постимперская идентичность русского *большинства* создает потенциал для нового либерального осмысления отечественного хронотопа, признающего свое внутреннее единство, разнообразие и внешние границы. Напротив, ориентация на этнокультурную немецкую модель или французскую гражданскую культурную модель предполагает *более значительную* трансформацию и перековку самоидентификации как русских, так и всех россиян в целом и стимулирует множество взаимоисключающих авторских версий «националистического» хронотопа, границы которого остаются неопределёнными.

24 Ср.: «На протяжении всего периода советской истории — от Ленина до Горбачева — существовал общий политический знаменатель, который серьезно ослаблял процесс формирования русского этнического самосознания, все более и более стирая его отличие от сознания наднационального. Речь идет о борьбе, пусть и не всегда последовательной, всех советских режимов против русского национализма. Систематическое ограничение русского национализма было той ценой, которую советское руководство было готово заплатить за сохранение многонационального государства. Неоформившееся русское национальное самосознание является одним из ключевых факторов, объясняющих, почему распад Советского Союза произошел так мирно» [Зевелев 2009: 92].

Библиография / References

- [Атнашев, Велижев 2018] — *Атнашев Т., Велижев М.* Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории / Под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7—53.
- (*Atnashev T., Velizhev M.* Kembridzskaya shkola: istoriya i metod // Kembridzhsкая shkola. Teoriya i praktika intellektual'noy istorii / Ed. by T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow, 2018. P. 7—53.)
- [Баньковская, Кильдошов 2019] — *Баньковская С.П., Кильдошов О.В.* Свой, Другой, Чужой: беседа с профессором Факультета социальных наук НИУ ВШЭ С.П. Баньковской о Бенедикте Андерсоне и социологическом измерении национализма // Вопросы национализма. 2019. Т. 32. № 1. С. 143—161.
- (*Bankovskaya S.P., Kildyushov O.V.* Svoy, Drugoy, Chuzhoy: beseda s professorom Fakul'teta sotsial'nykh nauk NIU VShE S.P. Bankovskoy o Benedikte Andersone i sotsiologicheskom izmerenii natsionalizma // Voprosy natsionalizma. 2019. Vol. 32. No. 1. P. 143—161.)
- [Бахтин 1975] — *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234—407.
- (*Bakhtin M.M.* Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike // Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Moscow, 1975. P. 234—407.)
- [Бобров, Михайлов 2018] — *Бобров И.В., Михайлов Д.А.* “Внутренние враги” современного русского национализма // Журнал исследований социальной политики (ЖИСП). 2018. № 2. С. 279—294.
- (*Bobrov I.V., Mikhailov D.A.* “Vnutrennie vragi” sovremennogo russkogo natsionalizma // Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki (ZhISP). 2018. No. 2. P. 279—294.)
- [Зевелев 2009] — *Зевелев И.* Будущее России: нация или цивилизация? Распад СССР и «русский вопрос» // Россия в глобальной политике. 2009. № 5. С. 88—102.
- (*Zevelev I.* Budushchee Rossii: natsiya ili tsivilizatsiya? Raspad SSSR i “russkiy vopros” // Rossiya v global'noy politike. 2009. No. 5. P. 88—102.)
- [Зевелев 2014] — *Зевелев И.* Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новая внешнеполитическая доктрина России // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. С. 34—45.
- (*Zevelev I.* Granitsy russkogo mira. Transformatsiya natsional'noy identichnosti i novaya vneshnepoliticheskaya doktrina Rossii // Rossiya v global'noy politike. 2014. No. 2. P. 34—45.)
- [Крылов 2008] — *Крылов К.* Семнадцать ответов // ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия (http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/9147-semnadcat-otvetov.html (дата обращения: 06.05.2024).
- (*Krylov K.* Semnadtsat' otvetov // INTERLOS — Intellektual'naya Rossiya (http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/9147-semnadcat-otvetov.html (accessed: 06.05.2024).))
- [Крылов 2014] — *Крылов К.* Русские как титульная нация // Вопросы национализма. 2014. № 4. С. 3—6.
- (*Krylov K.* Russkie kak titul'naya natsiya // Voprosy natsionalizma. 2014. No. 4. P. 3—6.)
- [Крылов 2016] — *Крылов К.* Что значит быть русским сегодня? // Вопросы национализма. 2016. № 4. С. 3—5.
- (*Krylov K.* Chto znachit byt' russkim segodnya? // Voprosy natsionalizma. 2016. No. 4. P. 3—5.)
- [Крылов 2019] — *Крылов К.* РПЦ МП. Итоги и перспективы (ч. 1). 2019 г. // (<https://www.apn.ru/index.php?newsid=37679> (дата обращения: 06.05.2024)).
- (*Krylov K.* RPTs MP. Itogi i perspektivy (ch. 1). 2019 g. // <https://www.apn.ru/index.php?newsid=37679> (accessed: 06.05.2024).)
- [Лёзина 2021] — *Лёзина Е.* XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. 2-е изд., испр. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- (*Lyozina E.* XX vek: prarabotka proshlogo. Praktiki perekhodnogo pravosudiya i politika pamyati v byvshikh diktaturakh. Germaniya, Rossiya, strany Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy. Moscow, 2021.)
- [Ливен 2020] — *Ливен А.* Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 25—42.
- (*Liven A.* Progressivny natsionalizm. Pochemu natsionalnaya motivatsiya nuzhna dlya razvitiya reform // Rossiya v global'noy politike. 2020. No. 5. P. 25—42.)

- [Малахов 2017] — Малахов В. Нация и культурное разнообразие в имперской, советской и постсоветской России // Культурная сложность современных наций / Под ред. В. Тишкова, Е. Филиппова. М.: ИАЭ РАН, 2017. С. 190—202.
- (Malakhov V. Natsiya i kul'turnoe raznoobrazie v imperskoy, sovetskoy i postsovetskoy Rossii // Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy / Ed. by V. Tishkov, E. Filipov. Moscow, 2017. P. 190—202.)
- [Малахов, Осипов 2021] — Малахов В., Осипов А. Динамика этнокультурной политики в России, Казахстане и Украине: отложенная «национализация»? // Мир России. 2021. № 2. С. 26—47.
- (Malakhov V., Osipov A. Dinamika etnokul'turnoy politiki v Rossii, Kazakhstane i Ukrainе: otlozhennaya "natsionalizatsiya"? // Mir Rossii. 2021. No. 2. P. 26—47.)
- [Паин 2023] — Паин Э.А. Этничность, нация и политика: критические очерки по этнополитологии. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
- (Pain E.A. Etnichnost', natsiya i politika: kriticheskie очерки po etnopolitologii. Moscow, 2023.)
- [Пастухов* 2023] — Пастухов В.* Как переучредить Россию? Очерки заблудившейся революции. М.: ОГИ, 2023.
- (Pastukhov V.* Как pereuchredit' Rossiyu? Oчерki zabludivsheysya revolyutsii. Moscow, 2023.)
- [Ремизов 2002] — Ремизов М.В. Опыт консервативной критики. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002.
- (Remizov M.V. Opyt konservativnoy kritiki. Moscow, 2002.)
- [Ремизов 2010] — Ремизов М.В. Нация: конструкт или реальность? // Вопросы национализма. 2010. № 1 (1). С. 6—11.
- (Remizov M.V. Natsiya: konstrukt ili real'nost'? // Voprosy natsionalizma. 2010. No. 1 (1). P. 6—11.)
- [Ремизов 2016] — Ремизов М. Русские и государство. Национальная идея до и после крымской весны. М.: ЭКСМО, 2016.
- (Remizov M. Russkie i gosudarstvo. Natsional'naya ideya do i posle krymskoy vesny. Moscow, 2016.)
- [Ремизов 2022] — Ремизов М. «Запад переживает идеологический раскол». Как национализм меняет мир и почему России нужна национальная идея? // <https://lenta.ru/articles/2022/11/21/remizov/> (дата обращения: 06.05.2024).
- (Remizov M. "Zapad perezhivaet ideologicheskiy raskol". Kak natsionalizm menyaet mir i pochemu Rossii nuzhna natsional'naya ideya? // <https://lenta.ru/articles/2022/11/21/remizov/> (accessed: 06.05.2024).)
- [Святенков 2020] — Святенков П. Благодаря Крылову исчезли родимые пятна русского национализма // <https://www.apn.ru/index.php?newsid=38633> (дата обращения: 06.05.2024).
- (Svyatenkov P. Blagodarya Krylovu ischezli rodimye pyatna russkogo natsionalizma // <https://www.apn.ru/index.php?newsid=38633> (accessed: 06.05.2024).)
- [Солженицын 1990] — Солженицын А. Как нам обустроить Россию. Посильные изображения. Специальное приложение к «Русской мысли» № 3846 — 21 сентября 1990. Париж: Русская мысль, 1990.
- (Solzhenitsyn A. Kak nam obustroit' Rossiyu. Posil'nye soobrazheniya. Spetsial'noe prilozhenie k "Russkoy mysli" № 3846 — 21 sentyabrya 1990. Paris, 1990.)
- [Солженицын 1995] — Солженицын А. «Русский вопрос» к концу XX века // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1995. Т. 1. С. 616—702.
- (Solzhenitsyn A. Russkiy vopros k kontsy XX veka // Publitsistika: In 3 vols. Yaroslavl, 1995. Vol. 1. P. 616—702.)
- [Тишков 2023] — Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023.
- (Tishkov V.A. Natsiya natsiy: o podkhodakh k ponimaniyu Rossii. Moscow, 2023.)
- [Berger, Miller 2015] — Nationalizing Empires. Historical Studies in Eastern Europe and Eurasia / Ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest: Central European University Press, 2015.
- [Brubaker 1996] — Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- [Brubaker 2011] — Brubaker R. Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States // Ethnic and Racial Studies. 2011. Vol. 34. No. 11. P. 1785—1814.
- [Calhoun 1993] — Calhoun C. Nationalism and Ethnicity // Annual Review of Sociology. 1993. Vol. 19. P. 211—239.
- [Giuliano, Gorenburg 2012] — Giuliano E., Gorenburg D. The Unexpectedly Underwhelming Role of Ethnicity in Russian Politics, 1991—2011 // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2012. Vol. 20. No. 2. P. 175—188.
- [Laine 2021] — Laine V. Nationalism as an Argument in Contemporary Russia. Four Perspectives on

* Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

- Language in Action. Commentationes Scientiarum Socialium 80. Helsinki: Finska Vetenskaps-Societeten Suomen Tiedeseura, 2021.
- [Laclau, Mouffe 1985] — *Laclau E., Mouffe C.* Hege-
mony and Socialist Strategy: Towards a Radi-
cal Democratic Politics. London: Verso, 1985.
- [Malesevic 2006] — *Malesevic S.* Identity as Ideo-
logy: Understanding Ethnicity and Nationa-
lism. New York: Palgrave, 2006.
- [Malesevic 2019] — *Malesevic S.* Grounded Na-
tionalisms. A Sociological Analysis. Cam-
bridge: Cambridge University Press, 2019.
- [Mann 2005] — *Mann M.* The Dark Side of Demo-
cracy: Explaining Ethnic Cleansing. Cambrid-
ge, UK: Cambridge University Press, 2005.
- [Osterhammel 2014] — *Osterhammel J.* The Trans-
formation of the World: A Global History of the
Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton
University Press, 2014.
- [Rowley 1997] — *Rowley D.G.* Aleksandr Solzhe-
nitsyn and Russian Nationalism // Journal of
Contemporary History. 1997. Vol. 32. No. 3.
P. 321—337.
- [Rowley 2000] — *Rowley D.G.* Imperial versus Na-
tional Discourse: The Case of Russia // Natio-
ns and Nationalism. 2000. No. 6. P. 23—42.
- [Sahlins 1989] — *Sahlins P.* Boundaries: the Ma-
king of France and Spain in the Pyrenees.
Berkeley: University of California Press, 1989.
- [Smith 1986] — *Smith A.* The Ethnic Origins of Na-
tions. MA: Blackwell Publishing, 1986.
- [Smith 1995] — *Smith A.* Nations and Nationalism
in a Global Era. Cambridge, UK: Polity, 1995.
- [Ther 2014] — *Ther P.* The Dark Side of Nation-
States: Ethnic Cleansing in Modern Europe.
New York: Berghahn Books, 2014.
- [Walling 2000] — *Walling C.B.* The history and po-
litics of ethnic cleansing // The International
Journal of Human Rights. 2000. No. 4 (3—4).
P. 47—66.
- [Weber 1976] — *Weber E.* Peasants into French-
men: The Modernization of Rural France,
1870—1914. Stanford: Stanford University
Press, 1976.